

**Политическое и правовое бессознательное российского общества:
«смысложизненные» архетипы русского этноса**

На проявления бессознательного в общественной жизни обращали внимание еще задолго до З. Фрейда, впервые научно исследовавший природу данного феномена. Серьезные попытки его осмысления были предприняты уже античными философами. Так, К.Г. Юнг называет Платона среди предшественников своего учения об архетипах. По мнению швейцарского психоаналитика, и в последующие эпохи в той или иной степени эта идея постоянно находило своих сторонников. К их числу он относит А. Августина, Ф. Бэкона, И. Канта, А. Бергсона. Русские мыслители также не остались в стороне от проблемы бессознательного. Здесь можно вспомнить частные наблюдения А.И. Герцена, отметившего в «Былое и думы», что «люди вообще отрешаются от своих физиологических воспоминаний и от своего наследственного склада очень трудно... как только мы касаемся вопросов жизненных, художественных, нравственных, где человек не только наблюдатель и следователь, а вместе с тем и участник, там мы находим физиологический предел, который очень трудно перейти с прежней кровью и прежним мозгом, не исключив из него колыбельных песен, родных полей и гор, обычаев и всего окружавшего строя»¹. Есть отечественные исследователи, которые придерживаются взгляда о непосредственном влиянии русской мысли на становление психоанализа: «как это, быть может, ни парадоксально на первый взгляд, некоторые психоаналитические идеи Фрейда формировались под влиянием русских источников»².

Понятие «бессознательное» – многозначный термин, имеющий самые различные, порой взаимоисключающие интерпретации. В самом широком смысле его можно толковать как совокупность содержаний, не присутствующих в актуальном поле сознания (такую характеристику ему дают французские ученые Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис).

Н.А. Бердяев, отмечая важную роль бессознательного в духовной жизни человека, отходит от его натуралистического и низменного толкования, даваемого З. Фрейдом³. Источник конфликта сознательного и бессознательного русский философ видит в борьбе за Божью идею. По его мнению, современное сознание часто выполняет неблагоприятную роль, насильственно подавляя бессознательное творчество и искажая его результаты, что в итоге приводит к душевным болезням. Человек стремится к восстановлению своего здоровья не только через победу над грехом, но и через творчество, также являющееся путем излечения. «Душа боится пустоты, и она наполняется ложью, фикциями и призраками, если она не наполнена положительным творческим содержанием. ...Победа над...

¹ Герцен, А. И. Сочинения в 4 т. / Былое и думы // А. И. Герцен. Т. 2. М., 1988. С. 31.

² Лейбин, В. М. Фрейд. Психоанализ и современная западная философия / В. М. Лейбин. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 60.

³ См.: Бармашова, Т.И. Идея бессознательного в экзистенциальной трактовке личности Н.А. Бердяева / Т. И. Бармашова // Философия и общество. 2004. № 4. 182-195 с.

болезненным раздвоением человека достигается в дальнейшей победе сверхсознания и в раскрытии этики творческой энергии, продолжающей и завершающей духовное дело искупления. В сверхсознании человек уже не один, он в единении с Богом»⁴. Н.А. Бердяев считает причиной «несчастливого сознания» принудительную социализацию, осуществляющуюся «через условную ложь, вкорененную в сознание». Лжи феноменального мира философ противопоставляет правду бессознательного инстинкта, который «вкоренен в большей глубине, чем так называемая «природа»⁵. Современное общество он характеризует как враждебное свободе и человеческой личности. И подобное положение чаще всего не осознается современным человеком.

У значительной части теоретиков постструктуралистской ориентации неосознаваемые содержания душевной жизни человека стали полумифической первопричиной всех общественных трансформаций. Стихийность проявлений бессознательного, ее «неритмичные пульсации» у большинства постмодернистов выступает как социальная сила, действующая как стихийный фактор в общем «устройстве» общества и не позволяющая ему «окостенеть». По мнению Ж. Делезы, бессознательное «инвестирует» (пронизывает) «социальное поле», мобилизует «свободную игру» «сверхзарядов» либидозной энергии, ее «противозарядов», или «разряжений». Он наделяет бессознательное корпускулярно-волновой природой, которая организует неравномерно пульсирующий либидозный поток, порождающий свободную игру частиц. Здесь возможны только случайные комбинации и полное отсутствие стабильности. Бессознательное как бы постоянно испытывает колебания, осциллирует между двумя полюсами своего положения («желающие машины» и «машинное производство»). Создатель структурного психоанализа Ж. Лакан противоречия внутри индивида выводит из бессознательного (они порождаются действием бессознательного) по мере того, как оно пытается разрушить символический порядок в том виде, в каком он налагается семьей и в конечном счете обществом.

Бессознательное – беспорядочно, стихийно и хаотично, оно делает непредсказуемым общественное развитие. Тем не менее, архетипы, таящиеся в хаотичном бессознательном, во многом детерминируют вполне равновесные структуры политического и правового сознания, тем самым направляя и стабилизируя развитие общественных институтов. В этой связи интересно замечание А.И. Герцена, что «беспорядок и делает возможным жизнь в России»⁶. Все, что искони существует в душе народа, находит свое отражение в реальном политическом и правовом устройстве общества.

Как известно, в античной философии понятие «архетип» означало прообраз, начальную идею. К. Г. Юнг понимал под архетипами изначальные врожденные психические образы коллективного бессознательного,

⁴ Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. М.: Республика, 1993. С. 81.

⁵ Бердяев, Н. А. Творчество и объективация / Н.А. Бердяев. Минск: Экономпресс, 2000. С. 285.

⁶ Герцен, А. И. Сочинения в 4 т. / Былое и думы. Т 1. С. 270.

составляющие основу духовной жизни и закрепляющие в себе опыт предшествующих поколений. Например, «Самость» представляет собой центральный архетип личности, определяющий все ее душевные свойства, архетип «Персона» – это комплекс функций, который обеспечивает отношение и приспособление человека к внешнему миру. К.Г. Юнг был убежден, что в архетипе содержится как высшее, так и низшее, как злое, так и доброе, поэтому его воздействие способно приводить к прямо противоположным результатам. Представляя собой систему врожденных программ и установок, архетипы рационально не воспринимаются как социокультурные нормы, но исходят из глубин психической жизни человеческого рода. Так, чувство патриотизма, являющееся одним из базовых элементов многих социально-политических движений и соответствующих идеологических конструкций, архетипично по своей природе и представляет собой проявление определенной психической универсалии в поведении человека. Данное чувство может выступать как социально-психологическим истоком прогрессивных политических движений, так и реакционно-националистических общественных процессов.

Смысложизненные архетипы являются детерминантами русской идеи, выступающей системообразующим элементом общественного сознания русского человека, результатом его познания своего прошлого, настоящего и будущего, своего смысла и назначения в истории человечества. В ней зафиксированы принципы социального бытия, политического и правового устройства, духовной жизни, а также целей и путей исторического движения нации. Русская идея не является статичной. У В.С. Соловьева она заключалась в восстановлении на земле образа божественной Троицы: триединства церкви, государства и общества. Ф.М. Достоевский возлагал большие надежды на русский народ как на мессианского носителя высшей духовной истины, которая утрачена Западом. По Н.А. Бердяеву, эта идея «коммунитарности и братства людей и народов, искание новой общности», идея «Града Грядущего», в ней отразился особый мир России.

Но, несмотря на всю патетику, которая обычно возникает при обсуждении русской идеи, стоит прислушаться и к мнению О.Д. Волкогоновой, которая в своей работе «Русская идея»: мечты и реальность» предупреждает, что, при имеющимся у «русской идеи» позитивным потенциале, в современное время ее развитие может быть двояким: с одной стороны, она может быть стимулом цивилизационно-исторического самоопределения России, с другой, если национальную самобытность станут воспринимать как нечто самодовлеющее, она может стать деструктивным фактором. Ведь любая национальная идея дает не только средство консолидации нации для преодоления кризисных процессов, но может порождать и ксенофобские общественные формы, например, такие как немецкий нацизм или итальянский фашизм.

Человек признается Н.А. Бердяевым противоречивым существом, поскольку он, с одной стороны, устремлен к высшим ценностям и высшему Божественному бытию, но, с другой, имеет в себе бездну тьмы. В этом

контексте философ пишет о своих чувствах: «Я чувствовал погруженность в бессознательное лоно, в нижнюю бездну, но еще более чувствовал притяжение верхней бездны трансцендентного»⁷. Понимание природы коллективного бессознательного Н.А. Бердяева не тождественно объяснениям этого феномена, данное К. Юнгом, который признавал только универсально-типический, всеобщий характер архетипов коллективного бессознательного. Русский мыслитель ставил содержание коллективного бессознательного в зависимость от особенностей его субъекта (например, от его национально-культурной природы). По его мнению, в процессе исследования этого содержания необходимо учитывать формы культурно-исторического опыта, который неизбежно сказывается не только на содержании сознания, но и бессознательного.

О противоречиях национального характера русского человека писали многие наши отечественные мыслители, выводя их уже на социальный и духовный уровень. Так, А.И. Герцен говорит об имеющемся противоречии между воспитанием и нравами, которое нигде не достигало такой остроты, как в дворянской Руси, где учителя, книги и университет говорят одно, а родные, близкие и вся среда утверждают совершенно противоположное о «бытии жизни вокруг». Если первое – понятно уму и сердцу молодого человека, то со вторым согласны лишь «предержавшие власти и денежные выгоды»⁸. Подобный дуализм между «словами ученья» и «бытием жизни» присущ и современной российской общественной жизни, где в книгах и университетах пытаются культивировать одни ценности, а в политической и правовой реальности молодые люди сталкиваются с чем-то противоположным. Пожалуй, следует согласиться с позицией Н.А. Бердяева, утверждавшего, что «русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать, как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный. Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа»⁹.

Противоречивость национального характера русского народа вызвана дихотомическим характером архетипов его этнокультурного бессознательного, являющихся, с одной стороны, исторической «памятью» нашего этноса, своеобразным опытом, полученном в ходе этногенеза, с другой, детерминантами, непосредственно воздействующими на ход современного развития политических и правовых процессов российского общества. Противоречивость русского национального духа нашло свое

⁷ Бердяев, Н. А. Самопознание. Сочинения / Н.А. Бердяев. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 297.

⁸ Бердяев, Н. А. Самопознание. Сочинения / Н.А. Бердяев. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 33.

⁹ Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. М., 1990. С. 15.

отражение не только в социальных процессах и институтах, но также и в архитектуре российских городов.

Ю.М. Лотман дает не вполне точную оценку архетипу русского бессознательного, лежащего в основе архитектурного образа Петербурга. По его мнению, это два архетипа: вечного Рима и невечного, обреченного Рима (Константинополя), дающие северной столице двойную перспективу, выражающуюся в вечности и обреченности одновременно. Вписанность города в эту двойную ситуацию позволяет одновременно трактовать его и как парадиз, своего рода утопию идеального города будущего, реальное воплощение Разума, и как зловещий маскарад Антихриста¹⁰. Думается, что это все-таки один архетип, оказывающий такое антагонистическое воздействие на архитектурный облик Петербурга. Так проявляется архетип «Самость» этно-коллективного бессознательного, представляющий собой центральный архетип русского человека, определяющий все его душевные свойства.

Многие отечественные мыслители отмечают, что в архетипах русского сознания идея справедливости, «искания царства правды» занимает особое положение¹¹. Она является своеобразным ответом, компенсаторным механизмом произволу и авторитаризму государственной власти. Справедливость понимается нами как производное от слова «правда», которая есть не только истина, поскольку всегда выстрадана и за нее «живота не жалеют». «Не в силе Бог, а в правде», – эти слова Александра Невского можно считать идеалом русского народа. Это идеал нравственной мощи русского народа, которая одухотворяет его физические силы. По Н.А. Бердяеву, русская душа – мятежная, ищущая, странническая, взыскующая Нового Града, никогда не удовлетворяющаяся ничем средним и относительным, она не сознает каких-либо пределов и простирается беспредельно, требует всего или ничего, ее настроение бывает либо апокалипсическим, либо нигилистическим. Все свои творческие порывы она привыкла соподчинять чему-то жизненно-существенному: религиозной, моральной и общественной правде. Русский правдолюбец хочет не меньшего, чем полного преображения жизни и спасения мира. Русская душа берет на себя бремя мировой ответственности. Ее архетипические свойства накладывают свой отпечаток на структуру российского общественного сознания, придавая ему широкий объем и духовную силу.

Н.А. Бердяев был убежден, что русские, в большей или меньшей степени, сознательно или бессознательно являются хилиастами, т.е. приверженцами учения о наступлении на земле тысячелетнего Царства Божьего. К бессознательным хилиастам он относил русских революционеров, у которых важной частью их социалистической идеологии была эсхатология. Философ, характеризуя русский атеизм, нигилизм и материализм, утверждал, что они имеют православную окраску. «В более

¹⁰ Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. С.-Петербург, 2000. С. 324.

¹¹ Степин В.С. Гражданское общество, правовое государство и право // Вопр. философии. 2002. № 1. С. 24-25.

глубоком слое, не нашедшем себе выражения в сознании, в русском нигилизме, социализме была эсхатологическая настроенность... обращенность к концу. Речь всегда шла о каком-то конечном совершенном состоянии, которое должно прийти на смену злему, несправедливому, рабьему миру»¹². Как на сознательном, так и бессознательном уровнях эсхатологические настроения присутствуют и в общественной жизни современной России. Как это ни парадоксально, но даже действующая Конституция РФ, принятая в 1993 году под сильным идеологическим прессингом либерализма, отличается эсхатологической и идеалистической направленностью¹³. Более того, особенность всех наших отечественных конституций заключается в том, что в них в социальном и правовом отношении фиксировалось не то, что в общественной жизни сложилось и в итоге юридически узаконилось, а то, к чему наша политическая элита устремлялась. Так, в нынешней российской Конституции говорится, что Россия – это правовое и социальное государство. Но вряд ли с этим суждением можно согласиться как отражающее действительное положение дел в отечественной политико-правовой ситуации. Оно может послужить только в качестве ориентира общественного развития. Наша Конституция стала частью «розовой библиотеки», выполняющей идеологические функции по созданию будущего Града солнца. Поглощенность будущим проявляется не только в рамках государственно-правового порядка, но и на политико-бытовом уровне.

Б.П. Вышеславцев отмечает, что русская сказка, разоблачая общественную вражду и жажду социальной утопии, раскрывает все, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии и государственной идеологии. В ней присутствует постоянная тема о том, как простой мужик становится министром или царем. Ее обычным завершением становится, что после опасных и трудных подвигов он от ран «скоро поправлялся, зелена вина напивался, заводил пир на весь мир; а по смерти царя начал сам царствовать, и житие его было долгое и счастливое»¹⁴.

Похожие идеи высказывает Е.Н. Трубецкой в своей работе «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке», где им исследуются «смысложизненные» архетипы русской народной сказки¹⁵, которые выполняют функцию своеобразной «матрицы» политической и правовой жизни русского народа. Автор разбирает идиомы «Куда глаза глядят» и «Туда – сам не знаю куда», являющиеся традиционными в русской сказке для искателей «иног царства», в котором все по-другому – «там хорошо, где нас нет». Мечты сказочных героев отражают архетипические смыслы царства «золотого века», до которого можно добраться, если преодолеть большие

¹² Бердяев Н. А. Самопознание. Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 197.

¹³ Гуляихин, В. Н. Идеализм российского Основного закона как фактор правового нигилизма / В. Н. Гуляихин // Новая правовая мысль. Научно-аналитический журнал. Волгоград, 2004. № 4 (7). С. 19-21.

¹⁴ См.: Вышеславцев, Б.П. Русский национальный характер / Б.П. Вышеславцев // Вопросы философии. 1995. № 6.

¹⁵ Трубецкой, Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке / Е. Трубецкой // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 106.

трудности: «кривой дорогой три года ехать, а прямой – три часа; только прямо-то проезду нет», «пешему тридцать лет идти, на крыльях – десять лет нестись». С некоторыми допущениями можно провести параллель между утопизмом русской сказки, которая задает параметры нового материального мира, основанного, прежде всего, на поглощении материальных ценностей – «есть досыта, хлебать из кисельных рек с молочными берегами», и романтическим идеализмом действующей российской Конституции, юридически закрепившей в 1993 году статус нашей страны как *социального* государства, т.е. такого, которое уже обеспечило своим гражданам социальную справедливость, материальное благополучие и защищенность. Но таковым оно не являлась ни тогда, ни сегодня. Е.Н. Трубецкой возможно выглядит излишне пессимистичным, когда утверждает, что реализация построения сказочного царства на практике приводит к «разбитому корыту» и необходимости начинать все строить заново. Но исторический опыт подтверждает его правоту: в России провалились попытки претворения в жизнь как коммунистического, так и либерального проектов. Сейчас она избрала этатистские идеалы. По всей видимости, и этот проект будет провальным, поскольку он плохо соотносится с идеалами царства правды и Града солнца, его единственным надежным социальным основанием является чрезмерно раздутый бюрократический аппарат.

Е.Н. Трубецкой характеризует одну архетипическую особенность русской сказки, которая является во многом определяющей для менталитета русского человека. Подчеркивая амбивалентность былинного героя и сказочного (если мощь былинного богатыря заключена только в его физической силе, то сказочного героя – в помощи магических помощниках), он отмечает, что этими помощниками чаще всего выступают ведающая тайнами «женская сила», «вещая женка». Сказочный герой бессилен выполнить приказ «Пойди туда – не знаю куда, и принеси то, не знаю что», пока на помощь не приходит жена. Мудрость здесь олицетворяется не мужским образом, а женским. Героине, а не герою отводится руководящая роль. «Избранник этой магической мудрости обрекается на совершенно пассивную роль: от него требуется только безграничное доверие, покорность и преданность той высшей силе, которая его ведет. Личные свойства героя, его сила и ум тут не играют никакой роли. Его человеческое дело в сказке – ничто»¹⁶. Может здесь лежит ключ к решению российских проблем? И «мужской» (большей частью по физиологическим признакам, но не по душевным качествам) российской политической элите, которая порой и сама не знающая в каком направлении ей следует идти, необходимо опереться на великую «женскую силу», способной «и коня на скаку остановить, и в горящую избу войти», при этом великолепно пользующейся своей интуицией?

¹⁶ Трубецкой, Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке / Е. Трубецкой // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 112.

Подчеркивая женственный характер сказочных грез, Е.Н. Трубецкой говорит о женственном мироощущении, рождающее в русской ментальности надежду на «другого», на которого можно переложить всю ответственность и просить у него помощи. По его мнению, «в русской сказке ярко выражены женственные качества души, поэтическая мечтательность, нежность, восторженность, переходящая в экстаз: а рядом с этим гамма мужественных тонов звучит в ней сравнительно слабо»¹⁷.

Во все времена в сказочной символике всех народов крылья служат образом одухотворения. Полет в сказке говорит о стремлении человека к духовному, более высокой степени его мышления и существования, ибо «весь мир стремится подняться над собою в человеке и через человека»¹⁸. Победа над силой притяжения является символом победы над вульгарным бытием. Деятельный, активный характер русского человека проявляется в духовном искании царства правды. Но он не знает, где его искать, поэтому мечется в своем социальном и духовном поиске. Б.П. Вышеславцев был убежден, что область подсознательного в душе русского человека занимает исключительное место. Он часто не знает, что же он хочет, куда его тянет, отчего ему грустно или весело¹⁹. У русского человека бывают мгновенные и непреодолимые желания, вызванные жаждой жизни и любовью к ней, но не имеющие ясной цели и четких ориентиров. Эта ментальная особенность нашла свое отражение в сказочном образе Иванушки-Дурачка, который, пролежав долгое время на печи, вдруг вскакивает и кричит: «Эх вы, тетери, отпирайте двери, хочу идти туда, сам не знаю куда».

В отличие от славянофильски настроенных отечественных мыслителей многие западные исследователи далеко не всегда восторженны в оценке архетипического сознания русского народа. Так, в своей книге «Убиенный царевич: Русская культура и национальное сознание: закон и его нарушение» А. Безансон говорит о повторении архетипических ситуаций в российской истории. Это вызвано, по его мнению, традиционными отношениями русского человека к богу, государю и власти. «Символы, выражающие эти отношения, одни и те же, независимо от того, отвергается власть или принимается. Принятая, она обретает форму очень жесткого, требующего жертвенности «закона», который... признается основой русскости. Если же власть отвергается, то и мятеж принимает самые крайние формы, о которых также утверждается, что они есть часть национальной самобытности...»²⁰. А. Безансон далее пишет, что русская история «наполнена страданиями, связанными с формой правления, то есть с несчастьями скорее нравственного, нежели физического характера. Конечно, человек повсюду несчастен. Но есть страны, где несчастья не происходят

¹⁷ Трубецкой, Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке / Е. Трубецкой // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 117.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Вышеславцев, Б.П. Русский национальный характер / Б.П. Вышеславцев // Вопросы философии. 1995. № 6.

²⁰ Безансон, А. Убиенный царевич: Русская культура и национальное сознание: закон и его нарушение. М., 1999. С. 5.

или проистекают лишь изредка, из политики. В России несчастье скорее государственное, нежели частное»²¹. Пожалуй, здесь можно с ним согласиться, но далее он делает необоснованное заключение, что «государственное» несчастье русского народа вызвано принятием Русью православия, которое якобы и привело к тому, что церковь и царство стало рассматриваться не как конкурирующие общественные структуры, а как единое целое, что и не позволило развиваться правовой системе, способной регулировать отношения между этими общественными институтами. Поэтому, оказывается, в России и не были созданы правовые формы, способные защищать права русского человека. Поражает односторонность оценки А. Безонсона. Историко-политические спекуляции о косвенной повинности православной церкви в особых страданиях русского народа совершенно несостоятельны. Но и то чувство соперничества, которое так позитивно оценивает А. Безонсон, далеко не всегда однозначно прогрессивно для исторического прогресса. Например, оно привело к двум мировым войнам среди христианских наций, чьими духовными воителями выступала католическая церковь...

По мнению, А.И. Герцена западный человек «... никогда не забывает личных видов, положение его вообще стесненное и нравы приложены к жалкой среде»²². Он сначала удивляет нас своим профессионализмом, но затем разочаровывает своей односторонностью, оскорбительной самонадеянностью и самодовольством. В свою очередь русские люди удивляют Запад своей «загадочной» душой. Мы и сами для себя являемся загадкой. У нас в конфликте сознательного и бессознательного последнее слово обычно остается за вторым.

²¹ Там же. С. 208.

²² Герцен, А. И. Сочинения в 4 т. / Былое и думы // А. И. Герцен. Т. 2. М., 1988. С. 100.